

Алексей Величко

Правоспособность монарха

Алексей Михайлович Величко

Правоспособность монарха

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68612837

SelfPub; 2022

Аннотация

Рассуждения Алексея Величко об ограничениях и формализации власти монарха. Ключевые вопросы этой проблемы: имеет ли ограничения власть монарха и можно ли её ограничить "земными" средствами?

Содержание

I	5
II	9
III	20
IV	30
V	38

Алексей Величко

Правоспособность монарха

«Монархическое правление, имеющее в виду общую пользу, мы обыкновенно называем царской властью»

Аристотель¹

«Царь – существо священное»

Пиндар²

«Без царя, все, что мы делаем, – грех! Даже если дело во благо»

А. Иванов³

¹ Аристотель. Политика. Книга III, V, 2. // Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т.4. М., 1983. С.457.

² Цит. по: Куланж Фюстель де. Древняя гражданская община (*la cite antique*). М., 1903. С.15.

³ Иванов А. Золото бунта. М., 2021. С.329.

I

Среди ключевых правовых понятий далеко не последнее место занимает «*правоспособность*», как определенная для того или иного лица возможность иметь некоторые права («субъективное право») и осуществлять их, а также вытекающая отсюда обязанность всех остальных лиц – это субъективное право признавать. По общему мнению, правоспособность возникает из *закона* (в широком смысле этого слова, включая не только непосредственно законодательный акт государства, но и иные правовые акты – указы, постановления, для целей нашего исследования присоединим к ним судебные решения, международные правовые договоры и т.п.) и *правового обычая* («обычное право», «народное право»)⁴.

Понятие «закон» едва ли нуждается в специальном описании. Что же касается правового обычая, то здесь вполне уместно вспомнить слова великого Плутарха (46-127): «Все, что вполне необходимо и важно для счастья и нравственного совершенства граждан, должно войти в самые их нравы и образ жизни, чтобы остаться в них навсегда, сжиться с ними. Добрая воля делала этот союз крепче, нежели принуждение, а эту волю образовывалось в молодых людях воспитание, которое *делало каждого из них законодателем* (выделе-

⁴ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 1898. С.151, 285.

но мной. – А.В.)»⁵. Это и есть настоящее «народное право», «правовой обычай», пусть даже зачастую и неписанный.

Как считается, закон государства описывает совокупность прав граждан, должностных лиц и учреждений. Правовой обычай очень часто дополняет этот перечень, если, конечно, не вступает в противоречие с законом. Разумеется, правоспособность не является универсальной и статичной величиной, со временем и в зависимости от конкретных обстоятельств она меняется и порой весьма существенно. Однако оба ее источника – закон и обычай сохраняют свои позиции «*vagina caput*» («матери правоспособности») и именно в указанной выше иерархии.

Казалось бы, никаких неожиданностей эта конструкция не таит, поскольку, как нетрудно убедиться, правоспособность *обычных* лиц и учреждений возникает именно таким способом. Какой государственный орган существует сам по себе, не будучи подкрепленным в своей компетенции буквой закона? Возможны были бы сделки купли-продажи, дарения, аренды и т.д., если бы государство путем издания соответствующих гражданско-правовых установлений не определило, *кто* вправе отчуждать и приобретать имущество, наследовать его, а кто – нет, и т.п.? И как бы были закрыты неизбежные лакуны (ведь никакой закон не может быть вездесущим) в правовом регулировании, если бы не правовой обычай, укорененный в обществе?

⁵ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 2 т. Т. 1. М., 1987. С.104.

Однако есть важное исключение, которое очень часто, а до относительного времени практически всегда, выпадает из заданного алгоритма – мы говорим о *монархе* (императоре, василевсе, царе, короле). Причем, исключение это настолько исторически масштабное и постоянно встречающееся, что его никак нельзя обойти молчанием.

Если бы речь шла об отдельных прецедентах, все можно было бы списать на политическую практику того или иного народа, не характерную для остальных этносов. Но, ведь, на самом деле речь идет не только о древнейших государствах – Ассирийском и Египетском царствах, Древнем Израиле, Персидской империи и т.д., но и о таких колоссах, как Византийская империя, Священная Римская империя германской нации, Российское государство. Все они были довольно значительно удалены друг от друга территориально, чтобы допустить прямое заимствование чужого политического опыта, относились к различным историческим периодам и принадлежали к разным политическим культурам. И тем не менее были объединены *единым* идейным подходом по вопросу определения царской правоспособности.

Можно, конечно, привести то широко распространенное объяснение, что до относительно недавнего времени власть царей носила абсолютный характер, и он сам, как единственный и безальтернативный *законодатель* своего государства, не стремился подчинять себя закону. Потому, кстати, власть его очень часто носила *деспотический* и своевольный харак-

тер. Кроме того, и этот умозрительный довод также довольно часто встречается в научной литературе, многие государства вообще имели слабо развитое законодательство, а потому закон не касался и царского статуса. Однако, как говорят, по мере «исторического прогресса» нравы смягчались, право приобретало все большее значение, и монаршая власть постепенно начала облекаться в законническую форму. Пока не превратилась в *конституционную монархию*, где власть государя определяется законом, или в *правовое государство* с республиканской формой правления⁶.

Описываемый «прогресс» обычно в науке оценивается положительно. Напротив, в качестве типичных примеров деспотичной власти царей, не ограниченной законом, приводят некоторые весьма характерные тексты Ветхого Завета: «Сыновей ваших возьмет и приставит к своим колесницам», «дочерей ваших возьмет, чтобы они варили кушанье и пекли хлеба», «поля ваши и виноградники, и масличные сады ваши возьмет, и отдаст слугам своим», «и рабов ваших и рабынь ваших, и юношей ваших лучших, и ослов ваших возьмет и употребит на свои дела»; «и восстенаете тогда от царя вашего, которого вы избрали себе» (1 Цар.8:10-18). Конечно же, подобные картины навевают не самые добрые настроения.

⁶ См., напр.: *Ковалевский М.М.* От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. В 3 т. Т.1. М., 1906. С. IV, V. Ср.: *Котляревский С.А.* Власть и право. Проблемы правового государства. М., 1915. С.19-21.

II

Однако гипотеза, связывающая причинно-следственной связью отсутствие закона о царской правоспособности и слабо развитое государственное законодательство, не может быть принята без множества оговорок, серьезно обесценивающих ее. Всем известны древние объемные законодательные памятники, где, однако, царская правоспособность практически никак не регулировалась законом. Например, законы Ур-Намму, Липит-Иштара и Хаммурапи (XVIII в. до Р.Х.), вобравшие в себя описание многих прецедентов по самым разным отраслям права – уголовное, семейное, гражданское, коммерческое, административное и т.д., *совершенно* не касались царской правоспособности⁷.

Может показаться, что исключением стал Древний Израиль, где имелся твердый *законодательный* перечень правомочий царя и описывались условия приобретения царской правоспособности – «Закон Моисея». В частности, царь должен был быть евреем, а не чужеземцем (Втор.17:15). Главной задачей царя считалось обеспечения чистоты веры и хранение списка законов, данных Богом, а также неуклонное их соблюдение, «чтобы не надмевалось сердце его пред братьями его, и чтобы не уклонялся он от закона ни направо, ни налево» (Втор. 17:18-20).

⁷ *Ботерро Жан*. Ранние цивилизации Ближнего Востока. М., 2016. С.238-241.

Но не следует забывать, что «Второзаконие», из которого взяты указанные выше нормы, являлось *божественным установлением*. «Над царем у евреев возвышался *божественный закон*, ставивший царскую власть в возможное согласие с теократией и ограничивающей ее произвол»⁸. Кроме того, как нетрудно убедиться, даже правомочия Израильского царя, установленные «Законом Моисея», носят далеко не исчерпывающий характер и мало соотносятся с реальным объемом его практической власти.

Столь же сомнительно утверждение, что отсутствие формально закрепленных прав и обязанностей царя непременно приводило к деспотизму. История учит, что отсутствие «законной» правоспособности было характерно и для «хороших» монархий, и для тиранических режимов; и наоборот. Очевидно, дело заключается в чем-то другом, а вовсе не в *формальном* закреплении прав и обязанностей царей, которое почему-то считается надежной преградой на пути всякого своеволия.

Неправда также, будто цари, желая сохранить свою абсолютную власть в государстве, *совершенно* не допускали принятия законов, в той или иной степени касающихся их правоспособности. Пусть даже по собственной инициативе и от себя. В частности, в «Вестготской правде» (V-VII вв.) присутствуют следующие строки: «В прежние времена безмер-

⁸ *Троцкий И.Г.* Общественный быт древних евреев // Еврейские цари и первосвященники: жизнь, быт и нравы / сост. А.В. Андреев. М., 2011. С.153.

ная алчность правителей обрушилась на народ, и возросло тяжкое бремя короля по контролю над своими бедствующими подданными. Вдохновением свыше было нам внушено, что, поскольку мы установили подданным законы для их соблюдения, мы также накинem умеряющую узду на злоупотребления правителей. Поэтому после размышлений с искренней милостью мы устанавливаем закон с Божьей помощью *как для себя, так и для наследников нашего величества* (выделено мной. – А.В.), и провозглашаем обязательным божественное установление»⁹.

Весьма характерной представляется «клятва Королевству», которую Французский король приносил в день своей коронации. «Сначала клянусь Церкви покровительствовать в своем лице всем добрым людям. Я клянусь править мирно и справедливо и по примеру Господа нашего Иисуса Христа проявлять милосердие». В последующее время текст клятвы претерпел некоторые изменения: в частности, король обязывался изгнать с территории королевства всех еретиков, отказавшихся от Церкви, а также прекратить грабительские и захватнические войны¹⁰.

В «Саксонском зеркале» – довольно содержательном юридическом памятнике XIII столетия, содержатся следующие

⁹ Вестготская правда (книга приговоров). *Lex visigothorum*. Книга 2. Титул 1. М., 2012. С.500.

¹⁰ *Польская С.А.* Христианнейший король: образы власти в репрезентативных стратегиях Французской монархии (IX – XV вв.). М.-СПб., 2017. С.109, 111, 112.

статьи, касающиеся правоспособности монархов. Статья 33 Книги 3 определяет, что каждый вправе иметь суд у короля. Следовательно, король *обязан* рассмотреть это дело. При этом устанавливается, что при рассмотрении спора о земельной собственности, король должен рассматривать его не по праву лица, а по праву той страны, где собственность находится. Статья 52 (2) Книги 3 *обязывает* короля передавать князьям и графам судебную власть, чтобы не судить все преступления подряд. Статья 54 (2) Книги 3 предусматривает, что король всенепременно приносит присягу верности государству тотчас после своего избрания. Исключительной прерогативой короля является суд над князьями (статья 55, параграф 1, Книга 3). За королем признается также право вынесения смертных приговоров и приговоров, где наказанием преступнику устанавливается членовредительство (статья 78, параграф 1, Книга 3)¹¹.

Кроме того, нередко за монархом закрепляется право помилования, когда «Божественное милосердие побудит сердце правителя пощадить столь гнусных лиц (преступников. – *А.В.*), то с согласия епископов и старшин он охотно получит право помилования» (Книга 6, титул 1,6). Сохранились и другие правовые акты, принятые монархами, в которых прямо или косвенно *частично* описывается их правоспособность. Например, в той же «Вестготской правде» описывает процедуру изложения судебного дела перед королем (Книга

¹¹ Саксонское зеркало. М., 1985. С. 91, 100, 101, 102, 111.

6, титул 1, 5)¹². Но все же, такие законодательные акты, во-первых, никогда не претендовали на то, чтобы описать в виде закрытого реестра все правомочия монархов, а, во-вторых, принадлежали перу самого царя, и их выполнение, равно как и изменение, находились в его воле.

Но, конечно же, нравственные правила превалировали над сугубо юридическими. В известном сочинении Ионы, Орлеанского епископа (VIII столетие), с весьма характерным наименованием «О королевских обязанностях», содержатся главным образом *нравственные* наставления, а также краткое перечисление тех довольно небольших по своему числу правомочий, которые традиционно и бесспорно признавались за монархами во все времена и народы: издавать законы, вершить справедливый суд, укреплять веру и бороться с несправедливостью. «К королевскому служению в особенности относится управление и царствование над народом Божиим с беспристрастием и справедливостью, а также попечение о мире и согласии. Сам же король должен, прежде всего, быть защитником церквей и слуг Божиих, вдов, сирот и других бедных, а также и всех нуждающихся»¹³.

Нужно отметить, что потребность в *юридическом* описании монарших прерогатив возникала обычно в случаях,

¹² Вестготская правда (книга приговоров). *Lex visigothorum*. Книга 6. Титул 1 (5). С. 649.

¹³ *Иона Орлеанский*. О королевских обязанностях. Главы 4, 6, 8. СПб., 2020. С.136, 145, 149.

когда появлялась иная, *альтернативная* власть, претендующая на все или частичные полномочия царской власти. Нередко таким конкурентом выступала Римская кафедра, поскольку понтифик полагал, будто политическая власть государей должна исходить исключительно от него, как викария Христа и преемника апостола Петра. А также по мере появления в Европе национальных государств, когда неизбежно вставал вопрос о взаимоотношениях их правителей с императором Священной Римской империи германской нации.

Эти тенденции также нашли свое отражение в древних законах. В частности, статья 1 Книги 1 «Саксонского зеркала» гласит, что император *обязан* при встрече с папой держать ему стремя, когда понтифик едет на коне. Кроме того, «кто противится папе и не может быть принужден церковным судом, того император обязан принудить при помощи светского суда, чтобы был послушен папе»¹⁴.

Можно привести и другой, не менее яркий пример. 25 ноября 1355 г. государь Священной Римской империи германской нации *Карл IV* (1346-1378) издал «Золотую буллу», которой определялись права императора и порядок его выборов. Булла также установила 7 князей-выборщиков, как минимум, единожды в год обсуждавших с ним различные государственные дела¹⁵.

¹⁴ Саксонское зеркало. Книга 1, статья 1. С.16.

¹⁵ *Papst Francis*. Священная Римская империя германской нации. СПб., 2008.

Никто не оспаривает этих событий. Но нельзя же отрицать и того факта, что все эти явления являлись *нездоровыми проявлениями* в политической жизни христианского общества?!

А вот история блистательной Византии наглядно демонстрирует обратную тенденцию – процесс *делегализации*, если можно так выразиться, императорской правоспособности по мере «взросления» их власти. Если правоспособность языческих царей складывалась за счет упразднения республиканских государственных органов (магистратур) и надления Римского самодержца их компетенцией (а республиканские магистратуры получали в первую очередь свою правоспособность из государственных законов¹⁶), то в последующем закон откровенно играл все более и более *второстепенную* роль, пока не иссяк вообще, уступив абсолютную монополию обычая. И так до самого падения Византии в 1453 г. Хотя, как известно, политической борьбы и противостояний различных партий и властей в Византии было также предостаточно. И тем не менее...

Это тем паче удивительно, что на протяжении всего времени своего существования Византия (или Восточная часть Римской империи) *поклонялась* праву. Там действовала разветвленная система государственного законодательства, блестящие образцы которого известны всему миру – «Кодекс

С.288-291.

¹⁶ Величко А.М. Политико-правовой статус Византийских императоров (историческая и идейная эволюция их полномочий)//Величко А.М. Византийская симфония. М., 2017. С119-130.

Феодосия», «Дигесты». «Институции», «Кодекс Юстиниана», «Эклога», «Василики» и великое множество «рядовых» законов. Могут, конечно, возразить, что это – редкий прецедент. Пусть и так, но зато какой!

Даже в эпоху *становления* (только лишь!) царской власти в Московской Руси, при юном *Иоанне Васильевиче Грозном* (1547-1584), Стоглавый собор 1551 г., выпуская сборник законов, и не думал в чем-либо ограничивать его правоспособность, лишь *рекомендуя* государю установить те или иные прещения. Причем, только по тем вопросам, которые сам же Грозный и инициировал. «Благочестивому царю свою царскую заповедь учинити, чтобы...» и далее по тексту. Лишь на Соборе 1666/67 гг. *впервые* царская правоспособность была ограничена соборным решением, да и то лишь по вопросам церковного управления.

Восприняв многие идеи и традиции Древнего Израиля, мир Ислама также полагал халифа (наместника Аллаха) вершиной политической пирамиды, от которого истекает власть. Как считалось издревле, его власть могла быть только абсолютной и неделимой, и все чиновники имела волю халифа источником своих правомочий. Не описывая детально правоспособность халифа, мусульмане, также как и древние евреи, установили в первую очередь требования к самому кандидату на эту высшую должность: моральная честность, компетенция в области наук, физическое здоровье, организаторские способности, доблесть в военных делах и принад-

лежать арабскому племени курайш, из которого некогда вышел пророк Мухаммед.

В целом правоспособность халифа, как она вытекает из Корана, заключается в поддержке религии, правосудии, обеспечении безопасности мусульман и их собственности, исполнении наложенных судом наказаний, укреплении границ и обеспечении внешней безопасности, ведении войны на территории врага, сбор налогов, исполнении государственного бюджета, назначении чиновников и осуществлении надзора и контроля за делами в мире Ислама.

Разумеется, ни кадии, государственные судьи, созидавшие правовые прецеденты при рассмотрении судебных дел, ни ученые правоведы («теоретики права») и не думали ограничивать абсолютную власть своего правителя. Поскольку, как полагают мусульмане, безграничный характер власти халифа проистекает из абсолютного характера мусульманского права, данного Аллахом. Человек противостоит перед Богом непосредственно, и потому, когда мусульманин платит налог, то платит его не государству или общине, а Аллаху, которого представляет халиф, как Его единственный легитимный поверенный и носитель «божественных» правомочий.

Это тем более любопытно, что уже в эпоху династии Омейядов (VII-VIII вв.) ученые юристы признавались (как и в римском праве) *источниками права* и получили наименование «ахл ар-рай», т.е. «людьми собственного суждения», посредниками между людьми и Богом, способными выра-

жать мнение Аллаха по вопросам права и поведения в обществе. Более того, со временем влияние школ юристов, составителей хадисов (правовых преданий и толкований на них), отстаивших свою независимость от самого халифа, дошло до того, что повелителям правоверных «пришлось уступить притязаниям законоведов и смириться с необходимостью быть – или хотя бы казаться – всего лишь *средством претворения в жизнь* законов ученых, взятых из их книг»¹⁷.

Подытожив, скажем, что редкие случаи определения царской правоспособности законом никак не отвечают привычным требованиям законодательного регулирования прав и обязанностей высшего лица в государстве. И, как правило, свидетельствовали лишь о том, что *такой* царь не является носителем высшей государственной власти, что *над ним* есть еще более высокий орган. Подобный пример приводил, в частности, Аристотель (384 – 322 до Р.Х.), указывая на царскую власть в Спарте, как основанную на законе, и тут же оговариваясь, что она *не являлась* верховной в полном смысле этого слова¹⁸. И действительно, по одному точному выражению, «так называемые» цари Спарты хотя и правили пожизненно, но являлись не более, чем *наследственными чиновниками*, чья власть была ограничена и подчинена груп-

¹⁷ Вайсс Бернارد Дж. Дух мусульманского права. М.-СПб., 2008. С.1-23, 32, 270, 271, 278.

¹⁸ Аристотель. Политика. Книга III, IX, 5. Т.4. С.474.

пе из 5 эфоров¹⁹.

Некоторые схожие примеры можно обнаружить в законодательстве Западной Европы в Средние века, когда правоспособность отдельных королей определялась законодательными актами или была подвержена значительным изъятиям вследствие одновременного наличия и действия канонического, ленного, римского и обычного права²⁰. Но опять же по той причине, что такие монархи не являлись носителями высшей власти в собственном королевстве: *над ними* возвышалась фигура императора, которому *de jure* были подвластны государи Франции, Англии, Испании и остальные европейские правители. Только император Священной Римской империи считался *абсолютным* правителем этой обширной христианской державы²¹. Правда, нередко на эти же привилегии претендовал и Римский епископ.

Между тем понятно, что вообще без устоявшейся и конкретной правоспособности никакая верховная власть существовать не может. В таком случае государство просто перестало бы функционировать в качестве *системы* управления, законодательства и суда, рухнув под напором гигантских цунами социальной анархии.

¹⁹ *Кревельд Мартин ван*. Расцвет и упадок государства. М.-Челябинск, 2006. С.40.

²⁰ *Польская С.А.* Христианнейший король: образы власти в репрезентативных стратегиях Французской монархии (IX – XV вв.). С.98-107.

²¹ *Блок Марк*. Феодалное общество. М., 2003. С.379, 380, 383.

И если в каком-либо случае закон ни словом не обмолвился относительно прав и обязанностей царей, то это за него сделал правовой обычай. Роль его столь велика, что обычное право, которое передавалось зачастую изустно из поколения в поколение, получило в Спарте, например, наименование «*Законов Ликурга*» (IX век до Р.Х.)²².

III

Но что такое правовой обычай, как не совокупность народных представлений *о справедливости*, рожденных из высших нравственных императивов религиозного содержания (поскольку они основаны всегда на *вере*), и формируемых отсюда правил поведения и норм, которых должны придерживаться все члены данного сообщества?! Сюда следует присоединить еще повсеместное убеждение, царившее в те века, что государство, т.е. организованное под эгидой единой власти сообщество людей, основано для *общего блага*: «Государственным благом является справедливость, т.е. то, что служит общей пользе»²³.

В древности повсеместно считалось, что государство создается действием божественной силы, орудием которой выступает верховная власть. Поскольку в основе государства лежит «*божественный закон*» (*jus divinum*), то и носитель

²² Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 1. С.96, 97.

²³ Аристотель. Политика. Книга III, V, 2. С.457.

верховой власти не может не быть *священной и божественной* особой. История достоверно свидетельствует о том, что именно абсолютная неограниченная *монархическая власть* издавна признавалась всеми не только наиболее удобной с практической стороны, но и всегда находила отражение в народных религиозных верованиях²⁴. Кроме того, государство всегда мыслилось людьми, как некое единство, и это единство, по общему мнению, должно было получить воплощение в *зримом символе* – монархе²⁵.

Происходил этот процесс «народного самоопределения» путем, далеким от научных исследований и кабинетных выводов. «Не надо воображать себе, что гражданская община при своем зарождении предварительно обдумывала то управление, какое ей следует установить, вырабатывала и обсуждала свои законы, устраивала и распределяла свои учреждения. Политические учреждения гражданской общины появились на свет вместе с ней в один и тот же день; каждый член общины носил их в себе, потому что они находились в зародыше в веровании и в религии каждого человека»²⁶.

В те века каждый народ, основываясь на своем религиозном культе, в собственных высших нравственных исканиях без подсказок приходил к пониманию того, *какой долж-*

²⁴ *Беджгот Уолтер*. Государственный строй Англии. М., 1905. С.64-70.

²⁵ *Лазаревский Н.И.* Русское государственное право. В 2 т. Т.1. СПб., 1913. С.73.

²⁶ *Куланж Фюстель де*. Древняя гражданская община (*la cite antique*). С.146.

на быть царская власть, *что* позволено монарху и за что он несет ответ перед Богом и людьми. «Царь правосудием утверждает землю» (Притч. 29: 4). «Милость и истина охраняют царя, и милостью он поддерживает престол свой» (Притч. 20; 28). «Бойся, сын мой, Господа и царя» (Притч. 24, 21). «Слава Божия – облекать тайною дело, а слава царей – исследовать дело» (Притч. 25: 2).

Разумеется, если религиозный культ был по своему существу бессодержательным, эклектичным или не имел самостоятельного характера, как, например, у древних евреев перед исходом из Египта, суждения о форме правления и правоспособности верховной власти никак не могли возникнуть. Известно, что в то время у евреев сохранялись лишь смутные *воспоминания* о Боге своих отцов, Который был для них «Богом прошедшего», но не Тот, Какой есть и Какой будет вечно²⁷.

Как следствие, они охотно приносили жертвы египетским богам (Нав. 24:14). Поэтому царская власть установилась в Израиле далеко не сразу. И первоначально Моисей сам управлял этим народом и почитался его главой (но не царем), как посредник между Богом и евреями (Исх. 18: 17-26; 32: 26-28). Однако в подобных случаях о государственности говорить вообще не приходится. Не с данным ли обстоятельством, к слову, следует связывать крайне негативную

²⁷ Соловьев В.С. История и будущеем теократии// Соловьев В.С. Собрание сочинений. В 12 т. Т.4. СПб., б/г. С.388, 389.

оценку Аристотелем тех этносов, которые не смогли создать собственное государство? Ведь это, по его мнению, напрямую свидетельствовало о том, что у тех нет «своих» богом и они *безнравственны*: «Тот, кто живет вне государства, – либо недоразвитое в нравственном отношении существо, либо сверхчеловек»²⁸. Впрочем, это несколько другой вопрос...

Священное Писание не только содержит необходимое человеку знание о Боге, пророческие стихи, историю народов и обязательные этические нормы, но и признает статус царя *священным и священническим*, поскольку тот служит Богу и избранному Им народу. Каким бы ни был царь, но без него еще хуже: евреи имели возможность на собственном горьком опыте убедиться в том, что когда «не было царя у Израиля; каждый делал то, что казалось ему справедливым» (1 Цар. 21:25).

Другие древние примеры в этом отношении едва ли отличаются по своему существу от практики Древнего Израиля. Так, уже в начале II тысячелетия до Р.Х., в эпоху существования Аккадского царства, был дан один из первых примеров абсолютной монархии, в которой проявляются знакомые по куда более поздним картинам характерные черты. Хотя Аккадские цари имели советников, но для разрешения сложных вопросов всегда обращались непосредственно к богам. Царь являлся высшим судьей, возглавлял все ветви власти и был верховным правителем страны, создавшей

²⁸ Аристотель. Политика. Книга I, I, 9. Т.4. С.378.

жесткое централизованное управление. На местах царь имел собственных представителей (так называемых «энси»), выполнявших его поручения. Существовал и великий визирь («суккаль-мах»), как в более поздних по времени государствах.

Царский престол передавался по наследству, хотя процедура эта никак законом также не регулировалась. Как и в других странах, *обожествление* было наиболее ярким выражением особого положения царя и играло в обществе огромную роль. Возводились многочисленные святилища, где отправлялся культ царя, ему даже приносились жертвы. Считалось также, что в реинкарнированном виде цари вступали в брак с женщинами-богинями, чтобы продолжить свой род²⁹.

Откровения эти имели тем большую ценность, что они принадлежали не царю или группе приближенных лиц, а всему народу, формировали *народное правосознание*, из которого создавался *правовой образ монарха*, от которого «живой» царь никак не может отделить себя, будучи воспитанным в том же духе, что и его подданные, и верным той же букве религиозного культа, который священен для всех и каждого.

Аналогичные картины наблюдались и в других государствах. Так, Египетский фараон признавался современниками «сыном бога Ра», потомком бога Хора. Как полагали египтяне, бог Ра вступил в свое время в телесную связь с зем-

²⁹ Ботерро Жан. Ранние цивилизации Ближнего Востока. С.154, 155.

ной женщиной, чтобы дать начало царской династии. Включение в царскую титулатуру имени «Ра» свидетельствовало со всей очевидностью о природном тождестве фараона и бога Солнца. Вообще, древние жители Нила полагали (и это убеждение было закреплено в официальных документах), будто Египет – *особая земля*, созданная для служения богам, а потому Египетские цари не просто совершают ритуалы, но благоприятным для своих поданных образом манипулируют силами мира, персонифицированными в богах, причем независимо от их воли. Для всех фараон – «благый бог», от которого зависит порядок во всей Вселенной³⁰.

Египетский царь, как помазанник божий, сосредотачивал в своих руках всю власть – как политическую и военную, так и религиозную. При этом, также, как его соседи и преемники, фараон имел довольно многочисленный государственный аппарат, полномочия которого определялись его законами. Иными словами, царь был неподвластен закону, но это правило не распространялось на государственных чиновников и обывателей³¹.

Весьма характерно, что народное убеждение о божественной природе царской власти касалось не только «своих» монархов, но и остальных, если те вершат дела, угодные Богу.

³⁰ *Ладъшин И.А.* Древнеегипетские концепции сакральности царской власти в I тысячелетии до н.э.// «Боги среди людей»: культ правителей в эллинистическом, постэллинстическом и римском мире. М.-СПб., 2016. С.139.

³¹ *Ботерро Жан.* Ранние цивилизации Ближнего Востока. С.294, 327, 328.

И пророк Исаия напрямую называет Персидского царя *Кира* (600-580 гг. до Р.Х.), язычника, *помазанником Божиим* (Ис.45:1).

Данная традиция существовала не только на Востоке, но и в античной Греции. С первого дня образования Лакедемона поставление царей спартанцами совершалось в виде богослужения³². Впрочем, иногда отдельные лица, не обладавшие царским статусом, но совершившие великие подвиги во имя своей родины, также признавались «божественными». Победитель персов спартанец Лисандр, позднее погибший в битве при Галиарте в 395 г. до Р.Х., стал первым среди греков не-царей, которому при жизни в городах ставили и посвящали алтари, приносили жертвы. А некоторые эллинские города даже учредили специальные празднества, посвященные этому блистательному воину и полководцу³³.

Другим лицом, удостоившимся не только царских по своей пышности почестей, но и титула «бог-спаситель», был некий Деметрий Полиоркет, изгнавший из Афин македонского ставленника Деметрия Фалернского и объявивший о восстановлении в этом полисе демократии. Как говорилось в гимне, сочиненном в его честь, «другие боги где-то далеко и не внемлют людям, а Деметрий всегда со своими согражданами».

³² Фукидид. История. Книга V, 16// Геродот, Фукидид. Ксенофонт. Вся история Древней Греции М., 2010. С.696.

³³ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 1. С.23.

Что же тогда говорить о царях, божественное происхождение которых ни у кого не вызывало сомнений?! Разумеется, славословия в их адрес носили куда более пышный характер. В Афинах даже родился новый жанр – прозаический энкомий (хвалебная песнь в виде распеваемых стихов) монарху. А самые выдающиеся философы того времени, среди которых выделим Платона (428-348 до Р.Х.) и Аристотеля, были абсолютно убеждены в том, что монархия – наилучшая форма правления³⁴.

Считался божественным и Македонский царь *Филипп II* (383-336), не говоря уже о его великом сыне *Александр Македонском* (336-323 до Р.Х.). В древних хрониках сохранились свидетельства его посещения одного из храмов в Палестине, где местный прорицатель утверждал, будто Македонец – сын бога Амона (Зевса – на греческий лад). Александр был принят как *живой бог*, а его божественное рождение изображали на стенах храмов, чтобы все могли увидеть «доброго бога». Именно с божественным статусом Александра современники связывали его экстраординарные победы и посвящали ему храмы³⁵.

Нелишним будет сказать, что в античном полисе считалось само собой разумеющимся, что некоторые, наиболее важные виды жертвоприношений – государственные, во бла-

³⁴ Суриков И.Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междоусобиц. М., 2011. С.57-62.

³⁵ Олмстед Альберт. История Персидской империи. М., 2022. С.547, 548.

го всего народа, должны совершаться не жрецами, а царями³⁶.

Расширим географию и периодику своего поиска. Божественными, без всякого сомнения, почитались уже первые Римские цари и позднейшие Римские императоры языческого периода. Более того, поскольку считалось, что царь является по должности верховным жрецом и от его молитв зависит благосостояние всех граждан, многие священнодействия совершал он сам. Само утверждение народом царя могло состояться лишь после добрых знамений, свидетельствующих о том, что боги одобряют ту или иную кандидатуру³⁷.

Как известно, в VI в. до Р.Х. римляне изгнали своих царей, но «людям отвратительно было не время царя, коим благочестием дозволяет называть Юпитера, да и Ромула, основателя Рима, и тех, кто царствовал после; вызывало ненависть не оно, но царская гордыня и произвол!»³⁸. Иными словами, личностные недостатки отдельных Римских монархов, не соответствующих образу *настоящего* царя. Замечательно также, что даже в республиканское время первым делом вновь избранных консулов (они избирались подвое на 1 год), исполнявших царские полномочия, было *совершение жертв*

³⁶ Аристотель. Политика. Книга VI, V, 11. Т. 4. С.586.

³⁷ Тит Ливий. История Рима от основания города. В 3 т. Т.1. Книга I, 18-21. М., 1989. С.26, 27.

³⁸ Тит Ливий. История Рима от основания города. Т.1. Книга III, 39 (3, 4). С.148, 149.

воприношений на форуме³⁹.

Считалось, что монгольские ханы Чингизиды, как и остальные монархи, имели божественное происхождение, являлись «носителями пламени небесного благоволения»⁴⁰.

Безусловно, божественным признавался и источник власти мусульманских халифов, имевших абсолютное суверенное право от Аллаха. «Божественный закон» (*jus divinum*) лежал в основании власти халифа⁴¹. Короли древней Германии также были убеждены в том, что ведут свое происхождение от богов. В глазах своих современников они были и сами похожи на «полубогов», поскольку по наследству им передавалась некая мистическая благодать, благодаря которой во время войны их народы могли рассчитывать на победу, а во время мира на плодородие полей⁴².

О государствах далекой Азии и Китая и говорить не приходится – если они чем-то и отличались от европейских аналогов, то, пожалуй, лишь большим ригоризмом в акценте на божественный статус царя и священство его особы.

³⁹ Куланж Фюстель де Древняя гражданская община: исследование о культуре, праве и учреждениях Греции и Рима. М., 1903. С.153.

⁴⁰ Почекаев Р.Ю., Право Золотой Орды. Казань, 2009. С.93.

⁴¹ Вайсс Бернард Дж. Дух мусульманского права. С. 17-23, С.270, 278.

⁴² Блок Марк. Феодалное общество. С.372.

IV

Христианская политическая мысль продолжила древнюю неписанную традицию на основе Священного Писания, данного Богом. Апостол Петр пишет братьям: «Итак, будьте покорны всякому человеческому начальству. Всех почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите» (1 Петр.2:13-17). Ему вторит апостол Павел в Послании к римлянам: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее» (Рим.13: 1-3).

Священномученик Иринеи Лионский (память 28 июня) писал: «Для пользы народов установлено Богом земное правительство, чтобы, боясь человеческой власти, люди не поедили друг друга, но посредством законодательства подавляли разнообразную неправду народов»⁴³. Примечательно, что эти слова принадлежат христианину, принявшему мученический венец во времена гонений при императоре *Септимии Севере* (193-211).

Епископ Иона Орлеанский внушал: «Никто из королей не должен считать, что королевство досталось ему от прародителей, но должен истинно и смиренно верить, что оно дано

⁴³ *Священномученик Иринеи Лионский*. Против ересей. Книга V, глава 24, 2. СПб., 2008. С.504, 505.

ему Богом»⁴⁴.

Монарх, признающий *над собой* Бога, уже не может своеволить без опасения Его грядущего Суда, народного осуждения и отчуждения. Он – верховный властитель, но лишь до тех пор, пока следует правилам справедливости, заповеданным Спасителем, и заботится о народе. На этом фоне языческие примеры деспотизма выглядят кощунственным надругательством над «божественным законом» и собственным народом.

Блаженный Августин, епископ Ипонский (память 15 июня), так описал образ *настоящего* Римского императора. «Мы называем государей христианских счастливыми, если они управляют справедливо; если окруженные лестью и крайним низкопоклонством не превозносятся, но помнят, что они люди; если употребляют свою власть на распространение почитания Бога и на служение Его величию; если боятся, любят и чтут Бога; если медлят наказаниями и охотно милуют; если самые наказания не употребляют как необходимые средства для управления и охранения государства, а не как удовлетворение своей ненависти к врагам; если и помилование изрекают не для того, чтобы оставить неправду безнаказанной, а в надежде исправления; если смягчают суровый приговор милосердием»⁴⁵.

⁴⁴ *Иана Орлеанский*. О королевских обязанностях. Глава 7. С.147.

⁴⁵ *Блаженный Августин*. О граде Божиим. В 22 книгах. Книга V, глава XXIV. В 4 т. Т.1. М., 1994. С.292, 293.

Уже в IV в. римские солдаты приносили императору присягу, в которой присутствуют такие характерные слова: «Клянемся именем Бога, Христа и Святого Духа, величием императора, которое человеческий род после Бога должен особенно почитать и уважать. Император принял имя Августа, и ему, как истинному и воплощенному Богу (*«tanquam praesenti et corporali Deo»*), должно оказывать верность и поклонение, ему должно воздавать самое внимательное служение. И частный человек, и воин служит Богу, когда он верно чтит того, кто правит с Божьего соизволения»⁴⁶.

С веками эта традиция наполнялась новым, все более глубоким идейным содержанием. Как известно, в начале царствования Византийского императора *св. Юстиниана Великого* (527-565) некий диакон Агапит поднес ему объемный труд о царской власти. Приведем из него отдельные мысли, касающиеся сакрального статуса императора.

«Имея сан превыше всякой чести, государь, почитай прежде всего Бога, Который тебя им удостоил, ибо Он, на подобие Небесного Царства, дал тебе скипетр земного владычества, чтобы ты научил людей хранить правду и удержал лай хулящих Его, повинуйся сам Его законам и правосудно повелевая подданными».

«Существом тела царь равен всем людям, а властью своего сана подобен Владыке всего, Богу. На земле он не имеет

⁴⁶ *Дагрон Жильбер*. Император и священник. Этюд о византийском «цезаропапизме». СПб., 2010. С. 171.

высшего над собой. Поэтому он должен, как Бог, не гневаться и, как смертный, не возноситься. Если он почтен Божиим образом, то он связан и земным прахом, и это поучает его соблюдать в отношении всех равенство».

«Как глаз прирожден телу, так миру – царь, данный Богом для устройства того, что идет на общую пользу. Ему надлежит печься обо всех людях, как о собственных членах, чтобы они успевали в добром и не терпели зла»⁴⁷.

Другой современник св. Юстиниана магистр оффиций Петр Патрикий развил некоторые мысли Агапита. Государство имеет своим источником Бога, полагал Патрикий, и являет собой отражение и подобие Божественного мироуправительства. Подражая Богу, царь должен царствовать не для себя, а *для народа*, имея конечной своей целью спасение человека⁴⁸.

Если языческий монарх признавался священником, то, разумеется, этот статус никак не мог миновать христианского императора. И Римский папа *св. Лев I Великий* (440-461) писал императору *св. Феодосию II Младшему* (408-450). «Мы радуемся, что в Вас не только императорская, но и *священническая душа*: потому что сверх императорских и публичных забот Вы имеете благочестивейшее попечение о вере христианской, т.е. печетесь о том, дабы в народе Божиим не усили-

⁴⁷ Кулаковский Ю.А. История Византии. В 3 т. Т. 2. СПб., 2003. С.38, 39.

⁴⁸ Вальденберг В.Е. История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. СПб., 2008. С. 180, 182.

вались расколы, ереси или какие-либо соблазны»⁴⁹.

Как Божий ставленник, император во всем ищет Божьей помощи и Его благодеяний. «Властью Бога нашего управляя Империей, которая передана нам Небесным величием, мы и войны счастливо преодолели, и мир украшаем, и устои государства поддерживаем, – пишет император св. Юстиниан Великий в своих «Дигестах», – и таким образом возлагаем чаяния наши на помощь Бога Всемогущего, чтобы полагались мы не на оружие, не на наших воинов, не на военных предводителей или на наш гений, но всю надежду обращаем только к высшему видению Троицы, от коей произошли сами первоосновы всего мира и установлено их распределение в земном кругу»⁵⁰.

В другой новелле св. Юстиниан Великий пишет: «Так высоко поставил Бог и императорское достоинство над человеческими делами, что император может все новые явления и исправлять, и упорядочивать, и приводить к надлежащим условиям и правилам»⁵¹.

Очевидно, между тем, что самый добропорядочный человек способен попасть в плен соблазнам и отступить от тех высоких нравственных принципов царского служения, кото-

⁴⁹ «Послание папы Льва к Феодосию Августу»// Деяния Вселенских Соборов. В 4 т. Т.2. СПб., 1996. С.14.

⁵⁰ Дигесты Юстиниана. В 6 т. Т.1. М., 2002. С.27.

⁵¹ Сильвестрова Е.В. *Lex generalis*. Императорская конституция в системе источников греко-римского права V–X вв. н.э. М., 2007. С. 215.

рым его обязывает следовать обычай, традиция, совесть и вера. Однако народное правосознание, сама культура, в которой он был воспитан с детства, микшировали эти недостатки и возможные злоупотребления. И публичное оппонирование общественной нравственности, как правило, не проходило для монарха даром. Это было характерно как для языческих государств, так и для христианских.

Так, уже в Древнем Израиле лицо, хотя и имевшее неписанное право на царство по своему рождению («право первородства»), но враждебно/безразлично относившиеся к благоденствию народа, объявлялись *недостойными царства*⁵². После смерти святого царя *Соломона* (961-922 до Р.Х.) его сын и наследник *Ровоам* (922-915) публично объявил об ужесточении режима своего правления: «Если отец мой обременял вас тяжким игом, то я его увеличу; отец наказывал вас бичами, а я буду бить вас скорпионами» (3 Цар. 12:11). Это немедленно привело к тому, что Израильское царство *разделилось*, и значительная часть народа пошла за новым царем *Иеровоамом* (922-907 до Р.Х.) в Ефрем. Как следствие, царская правоспособность резко упала в содержании: теперь им повиновались только на войне, в мирное же время они сами вынуждены были прислушиваться к мнению своих помощников и дружинников, иначе те просто переста-

⁵² *Троцкий И.Г.* Общественный быт древних евреев // Еврейские цари и первосвященники: жизнь, быт и нравы / сост. А.В. Андреев. М., 2011. С.153.

вали им помогать⁵³.

Раздражавший римский народ своими ужасными выходками, *Калигула* (37-41), о котором говорили, что «чем бы он ни увлекался, в своей страсти он доходил до безумия», стал первым императором, павший вследствие собственной несправедливости.

Другая жертва толпы – император *Нерон* (54-68), «наглость, похоть, распущенность, скупость, жестокость проявлялись постепенно», дошедший до того, что изнасиловал весталку Рубрию, отметившийся злодеяниями и убийствами, умертвивший мать и тетку, казнивший «без меры и разбора кого угодно и за что угодно», сам накликал беду в виде галльского и испанского восстания и сложил свою голову.

Недалеко ушел и *Вителлий* (69), для которого «наказывать и казнить кого угодно и за что угодно было наслаждением». Более того, когда его вели к месту казни, народ закидал экс-императора грязью и навозом, а голову его снизу поддерживали мечом, чтобы он не мог опустить лицо вниз⁵⁴.

Аналогичные картины не раз случались и в Византии, когда не дворцовый заговор отдельных придворных, а *народный гнев* сметал императоров с трона: *Василиска* (475-476) в 476 г., *Фоку Солдата* (602-610) в 610 г., *Михаила V Калафата*

⁵³ *Никольский Н.М.* Древний Израиль// История Израиля и Иудеи. Общественная и политическая жизнь/ сост. А. Андреев, С. Шумов. М., 2004. С.57.

⁵⁴ *Гай Светоний Транквилл.* Жизнь двенадцати цезарей. М., 1988. С.166, 205, 206, 217, 218, 251, 254.

(1041-1042) в 1042 г. и т.д.⁵⁵

Хрестоматийно звучат слова знаменитого византийского полководца: «Когда некоторые заявляют, что василевс не подвластен закону, а сам является законом, то же самое говорю и я. Однако пока во всех своих действиях и законоположениях он поступает хорошо, мы повинемся ему. А если он сказал бы: "Пей яд!" – ты, конечно, не сделал бы этого. Или хотя бы сказал: "Войди в море и пересеки его вплавь", – но ты и этого не можешь исполнить. Поэтому знай, что василевс как человек *подвластен законам благочестия* (выделено мной. – А.В.)»⁵⁶.

⁵⁵ Кравчук Александр. Императоры. М., 2012. С.902, 1006, 1010, 1052.

⁵⁶ Кекавмен. Советы и рассказы. СПб., 2003. С.291.

V

И все же, как известно, в диархии «закон-обычай» правовая наука отдает предпочтение закону, за которым уже потом должен следовать обычай. Объяснение заключается в том, что хотя писанный закон появляется хронологически в жизни народов *после* обычая, зато является результатом торжества верховной власти над всеми предшествующими силами общества⁵⁷.

Кто спорит, что обычай нередко аморфен и противоречив, редко оформлен письменно, зачастую не систематизирован в практике своего применения, да к тому же еще и лишен (по крайней мере, до определенного момента) признания со стороны верховной власти?! И, конечно же, закон в этом отношении несравнимо системнее, четче, несет на себе печать властного принуждения со стороны государства и, если можно так выразиться, *оперативнее* на фоне консервативного по самой своей природе обычая.

При этом законодатель может руководствоваться народным обычаем, а может *игнорировать* его во имя высших целей. В этом тоже заключается элемент неизбежности – если бы законодатель всегда лишь *следовал* правовому обычаю, то никакого развития общества не могло бы произойти. До-

⁵⁷ Градовский А.Д. Начала русского государственного права. В 2 т. Т.1. СПб., 1875. С.17.

статочно вспомнить реформы *Петра Великого* (1682-1725), к примеру.

Но что допустимо относительно обычных граждан, юридических лиц и государственных учреждений, то едва ли применимо к верховной власти в целом и царской власти в частности: «*Quod licet lovi, non licet bovi*» («что положено Юпитеру, не положено быку»). И на вопрос: почему же, все-таки, прекрасные примеры благочестия, приведенные выше, не были облачены в форму закона? можно привести следующие доводы.

Во-первых, царская власть потому и называется *верховой*, что выше ее никого нет (кроме Бога, разумеется); все нити управления обществом, включая, конечно же, законотворчество, находятся в руках монарха. В 133-й новелле св. Юстиниан Великий писал: «Нет ничего недоступного для надзора царю, принявшему от Бога общее попечение обо всех людях. Императору подобает верховное попечение о церквях и забота о спасении подданных. Император есть блюститель канонов и Божественных Законов. Царь через Соборы священников утверждает правую веру»⁵⁸.

Неограниченная власть вовсе не означает, что в основе того или иного закона лежит исключительно *своеволие* царя. «Сердце царя – в руке Господа, как потоки вод; куда захочет, Он направляет его» (Притч. 21:1). И *исполнение* (а

⁵⁸ *Асмус Валентин, протоиерей.* Отношения Церкви и государства по законам императора Юстиниана I (Великого). Рукопись.

не корректировка) «божественного закона» составляет первейшую обязанность монарха. Реализация его законотворческих прерогатив невозможно без ориентации на общее благо и народное правосознание, выросшее на почве того же религиозного культа, что исповедует и сам монарх.

В значительной степени царь – лишь *исполнитель* общего воли, его закон не может противоречить общественному мнению без опасения бойкота со стороны его же собственных подданных. Не случайно, нередко монархическое государство называют «народной монархией», как Византийскую империю, например⁵⁹, или Русское царство⁶⁰. А иногда даже Византии усвояют (безосновательно, конечно же) *республиканскую* форму правления⁶¹ – настолько политически силен в ней был народный элемент.

Но как же быть с «царским правом» законодателя? В свое время римское право успешно решило эту непростую задачу, заявив, будто «по древнему закону, который называется царским, все право и вся власть римского народа были перенесены на власть императора». Впрочем, это не означает, что моральная зависимость царя от своего народа должна привести к *разделению* его законодательной власти. И пото-

⁵⁹ Грибовский В.М. Народ и власть в Византийском государстве. Опыт историко-догматического исследования. СПб, 1897. С.241-243.

⁶⁰ Речь идет об известной книге И.Л. Солоневича. «Народная монархия», перепевшей множество изданий.

⁶¹ Калделлис Энтони. Византийская республика. Народ и власть в Новом Риме. СПб., 2016.

му св. Юстиниан Великий писал далее в новелле: «Мы не разделяем закон на части, относящиеся к его различным создателям, но повелеваем, чтобы он был целиком нашим»⁶².

Не менее красочно и цельно выражено органическое, идеальное единство монарха и *Justitia* (справедливости), царя и народа, императором Фридрихом II Гогенштауфеном (1218-1245). Он убедительно доказывал, что монарх является источником божественно-естественного права, дарующим своим подданным «божественное право». Своими небесно-вечными заповедями император устанавливает в земном мире небесный порядок. Всякое право идет от Бога, Он же – источник справедливости. Император же есть посредник между божественным и человеческим правом, а между Богом и императором посредником становится сама *Justitia*, «поскольку земное право подчиняется государю, над ним же властвует небесное».

Император – живое воплощение справедливости и законности, *lex animate in terris*. Лишь мистическое единство с Христом обуславливает его право издавать и толковать закон, и, как законодатель, он движим волей Всевышнего. Исполняя в полном объеме свои обязанности, император, окинув взором свое правовое творчество, может с гордостью сказать: «Мы вдвойне возвратим Богу доверенный нам талант и этим сводом законов, составленным во имя служения Юстиции, принесем жертву уст Христу, вручившему нам то,

⁶² Дигесты Юстиниана. Т.1. С. 117.

чем мы владеем».

Как и св. Юстиниан Великий, Гогенштауфен был убежден, что все три источника права – Бог, народ и императорская власть, идущие от Бога, природы и народа, император *соединились* в его лице. Таким образом, все три высшие силы император сосредоточил в своих руках⁶³.

В этой связи попытка «реестрирования» царских полномочий в форме его же собственного закона выглядит очевидным идейным *nonsense*.

Нельзя не отметить также, что даже простое *перечисление* в законе (конституции) субъективных прав монарха неизбежно приводит к тому, что их источником отныне становится именно этот закон, а не *jus divinum*. В свою очередь, неполнота закона (ведь перечислить все монаршие прерогативы – и нынешние, и будущие – едва ли кому-то по силам) *всегда* приводит к возможности различного их толкования и подрыву самодержавной монаршей власти⁶⁴. Поэтому верховная власть не может *связывать себя* изданным ею же законом.

Разумеется, время от времени цари издавали законы, в которых пусть косвенно, но затрагивалась, а иногда даже ограничивалась их правоспособность. Например, институт ханских ярлыков монгольских правителей представлял собой

⁶³ Канторович Эрнст. Император Фридрих II Гогенштауфен. СПб., 2022. С.244-247.

⁶⁴ Лазаревский Н.И. Русское государственное право. Т.1. С.309.

своеобразный правовой феномен, поскольку ханы тем самым самостоятельно определяли свою правоспособность и вводили ее в правовые рамки *закона*. Что, к слову сказать, никак не соответствует общераспространенным представлениям об их своеволии и тираническом характере ханской власти⁶⁵.

В другом известном законодательном акте монарх *добровольно* отказывается от некоторых своих судебных правомочий: «Чтобы величие его положения не изгнало истину, пусть король участвует в слушании судебного дела не лично, а через своих подданных»⁶⁶.

Не обошла стороной эта практика и блистательную Византию, хотя, как кажется, лишь единожды. В 1380 или 1382 гг. случился необычный эпизод, когда правоспособность царя (пусть даже только по вопросам церковного управления) определилась «вовне». Обеспокоенный начавшимися конфликтами при распределении епископских кафедр при патриархе *Ниле* (1380-1388), император *Иоанн V Палеолог* (1341-1391) *потребовал* от столичного архиерея и синода сформулировать церковные полномочия императора. В результате за царем было признано право выбора лица на митрополичью кафедру из трех кандидатов, представленных синодом. При этом синод обязался ни в коем случае не вклю-

⁶⁵ Почекаев Р.Ю., Право Золотой Орды. С.96.

⁶⁶ Вестготская правда (книга приговоров). *Lex visigothorum*. Книга 2. Титул 3 (1). С.523.

чать в списки кандидатов лиц, не лояльных к царю.

Более того, за императором закрепили право фактически *самостоятельно* определять состав синода, устанавливая, кто из провинциальных архиереев может находиться в столице, а кому – запрещено. За императором сохранилось старое полномочие перемещать епископов с кафедры на кафедру, изменять границы епископий и митрополий, а также введено новое правило о назначении им 15 высших церковных чинов Константинопольской патриархии. Впрочем, напомним, это событие произошло по желанию самого царя, и данный прецедент ничего не меняет в общей традиции⁶⁷.

Вторая причина отказа от закона при определении царской правоспособности не менее очевидна. Сам по себе закон, как официальный акт государства, «бумага», не может никого ни защитить, ни ограничить. Он всегда является следствием *человеческого* волеизъявления: либо царя, либо какого-то иного лица. Очевидно, что в нашем случае речь должна идти о новой структуре власти в государстве, при которой некто *посредством закона*, принимаемым *не* монархом, выступает в качестве альтернативной ему власти, а иногда вообще заявляет о своем политическом первенстве. Следовательно, издание кем-то закона о царских правах возможно лишь при условии, что этот «кто-то» в государстве стоит

⁶⁷ Асмус Валентин, протоиерей. Полномочия императоров в поздней Византии // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института. М., 2002.

выше царской власти, присвоив себе функции законодателя.

Очевидно, такой *узурпатор*, не имевший ни религиозной санкции на подобные претензии, ни Божьего благословения, способный своими действиями не просто сломать проверенные временем и благочестивые традиции, но и *исказить* сам порядок вещей, созданный Творцом, не может быть принят народным сознанием.

По всей видимости, эти и сходные с ними соображения были положены в основу той многовековой практики, которая старательно и благоговейно оберегала царей от любых попыток – вольных или невольных – умалить их сакральный статус, что напрямую связывалось с настойчивым *нежеланием* народа ограничивать власть монарха формальными рамками закона и противопоставить его божественной власти иную, не имеющую своим источником Бога и потому – *власть безбожную*.